

Из записок кн. П.В. Долгорукова / Пер. с франц. С.М. [С.Р. Минцлова]. М., 1909. В 1990 г. «Новый журнал» начал полную публикацию «Записок» (в переводе и с комментариями Д. Скалона), которая осталась неоконченной. (Кн. 179. С.192–226; Кн. 180. С. 173–202).

² *Dolgoroukow P., Pr. Mémoires du Prince Pierre Dolgoroukow. Vol. 1–2. Genève, 1867–1871. Vol. 1. Genève: Cherbuliez, H. Georg, 1867.*

³ *Долгоруков И.М., кн. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-м году от рождения моего... / Изд. подгот. Н.В. Кузнецова, М.О. Мельцин. Отв. ред. В.П. Степанов. В 2 т. Т. 1. СПб., 2004. С. 12.*

⁴ *Долгоруков П.В. Петербургские очерки: Pamфлеты эмигранта. 1860–1867 / Вступ. статья С.В. Бахрушина. М., 1992.*

⁵ *Ермолаев И.Н. Жизнь и борьба князя Петра Долгорукова: Пути русского либерализма. Изд. 2. Псков, 2001.*

⁶ *Гусман Л.Ю. В тени «Колокола». Русская либерально-конституционалистская эмиграция и общественное движение в России (1840–1860 гг.). СПб., 2004.*

© 2011 г. **В.М. ШЕВЫРИН***

«ВЕСЬ ШИПОВ»

В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Книга С.В. Шелохаева* – первое монографическое исследование о Дмитрие Николаевиче Шипове (1851–1920), выдающемся общественно-политическом деятеле, который оставил яркий след в истории России конца XIX – начала XX в. Разумеется, деятель такого масштаба, как Шипов, и раньше не мог не вызвать интереса у многих авторов, что отразилось практически в каждой работе по истории отечественного либерализма. Но только теперь, в этой книге С.В. Шелохаева, перед нами «весь Д.Н. Шипов», – от древних истоков его дворянского рода до трагического финала жизненного пути в больнице Бутырской тюрьмы.

Такая биографическая всеохватность могла быть достигнута только при условии, можно сказать, тотальной мобилизации исторических источников. Очевидно, что заметной вехой в собирании и осмыслении наследия Шипова явилась подготовка и переиздание Шелохаевым в 2007 г. мемуаров Шипова «Воспоминания и думы о пережитом», впервые вышедших в свет еще при жизни Дмитрия Николаевича (в 1918 г.) и давно ставших библиографической редкостью. Эти воспоминания со вступительной статьей публикатора, его комментариями, а также приложениями ряда работ Шипова, стали и одной из важнейших источниковых опор рецензируемой монографии. Иначе быть не могло: ведь Шипов смотрел на свой труд как на отчет, который он давал «своей общественной деятельности, как на свою исповедь»¹. Удачными стали и архивные разыскания автора. В монографии есть обширное приложение, – переписка Д.Н. Шипова с М.В. Челноковым и Е.К. Челноковой, супружеской четой, людьми очень близкими Шипову и по человеческим качествам, и по культуре, и по мироощущению. Их эпистолярное наследие, хранящееся в ГА РФ (ф. 810), впервые вводится в научный оборот. Переписка представляет собой редкое по искренности корреспондентов и по богатству фактического материала свидетельство этих людей о себе и о своей эпохе. Челноков был в центре общественно-политической жизни страны в начале XX столетия (видный московский предприниматель, член ЦК кадетской партии, депутат

* **Шевырин Виктор Михайлович**, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

II, III, IV Государственных дум, гласный Московского губернского земства и городской думы, с 1914 г. – городской голова Москвы и главноуполномоченный Всероссийского союза городов). В одном из писем к Челнокову (25 ноября 1913 г.) Шипов писал: «Ты говоришь о влиянии, которое на тебя имела дружба со мной, но ты в то же время понимаешь и чувствуешь, дорогой, какое громадное и неоценимое значение и для меня имело и имеет дружеское общение с тобой и дорогой Елизаветой Карловной. Ваша дружба является для меня одной из самых радостных сторон моей жизни» (с. 376). Их переписка с очень информативными комментариями Шелохаева, в сочетании с текстом исследования, дает эффект проникновения в суть описываемых событий, в самые мотивы поведения многих упоминающихся в ней исторических персонажей. Тяготение автора к работе с источниками, его стремление выявить в архивах (ГА РФ, РГАСПИ, ОПИ ГИМ, ЦИАМ и др.) и опубликованных материалах все, относящееся к Шипову, вознаграждены и другими ценными находками. Так, документы из архива ФСБ позволили осветить малоизвестные и неизвестные страницы жизни Шипова – его деятельность в Национальном центре, аресты и тюремные заключения.

Собственно, специальное историческое исследование и требует такого полного «погружения» в источниковую среду. Но при этом Шелохаев весьма обстоятельно анализирует и работы своих предшественников, затронувших те или иные аспекты жизни и деятельности Шипова. Автором рассмотрена дореволюционная, советская, а также российская и зарубежная историография. Его обзор показал, что сведения о Шипове, содержащиеся в литературе, носят «фрагментарный характер, а некоторые оценки и суждения нуждаются в корректировке» (с. 9). В частности, автор не разделяет мнения об «идентичности взглядов славянофилов XIX в. и новой генерации русских либерал-консерваторов», к которым он относит и Шипова (с. 156). Шелохаев пишет, что либералов-консерваторов типа Шипова со славянофилами сближало духовное, нравственное начало (с. 156). Славянофилы всемерно подчеркивали нравственный характер своих политических теорий. У Шипова имелись и другие «славянофильские» черты, – стремление добиться примирения всех слоев российского общества, противостоять насилию «снизу» и «сверху», не чураться российских традиций и т.д. Эти черты и обращение славянофилов и либералов-консерваторов к традициям были, видимо, продиктованы и желанием избежать «негатива», издержек прогресса, которые проявились на Западе, и прежде всего революционизма, «язв пролетарства», усиления вражды и классовой борьбы в обществе и т.п. Однако славянофилы, теории которых никогда не были собранием застывших догм, вовсе не являлись врагами прогресса и изоляционистами. Они не прокладывали между Россией и Европой непродоходимой грани, напротив, выступали, в сущности, за оптимальное сочетание позитивного российского опыта и европейских достижений для максимально комфортного развития страны в русле общемирового исторического процесса. Некое приближение к такому пониманию славянофильства можно найти в новейшей литературе. Например, С. Рэбоу-Эдлинг (университет Упсалы, Швеция) отходит от бытующего в зарубежной историографии толкования славянофильства как «консервативной утопии», и как бы «реабilitирует» славянофилов. Зарубежная исследовательница считает, что они были открыты для усвоения европейских идей, особенно идей Просвещения, и стремились приспособить их к российским условиям, чтобы через духовно-нравственное и социальное обновление, через возрождение национальной культуры ввести Россию в семью передовых европейских народов. По мнению исследовательницы, громадные успехи русской культуры во второй половине XIX – начале XX в. свидетельствуют о том, что главное в учении славянофилов – духовность, эмпфаза на развитии национальной культуры, доказали свою состоятельность². А все это значит, что некоторые идеи славянофилов отнюдь не «вчерашний день» для российского общества во времена Шипова, и нет оснований рассматривать всех их приверженцев как «эпигонов славянофильства» или как носителей отживших, ветхозаветных идей.

О том, что славянофильство и западничество были «ранними формами российского либерализма, во многом сильно отличавшимися от зрелых проявлений либе-

рализма конца XIX – начала XX в.», писал и видный отечественный исследователь славянофильства Н.И. Цимбаев³. К.А. Соловьев находит, что сама логика рассуждений Шипова вела его «подчас к выводам, противоположным тому, что утверждали отцы-основатели славянофильства»⁴. Но та «корректировка», о которой упомянул, Шелохаев, действительно необходима, хотя бы уже из-за существующего терминологического хаоса: «эпигоны славянофильства», «неославянофилы», «поздние славянофилы», «славянофильский уклон» и т.д. И хотя до сих пор «проблема неославянофильства в историографии остается практически неосвещенной»⁵, Шелохаев сделал серьезную попытку разобраться с той ролью, которую играли традиции русской мысли во взглядах Шипова.

Еще об историографии. Характеризуя ее дореволюционную составляющую, автор в качестве фундаментального исследования называет труд Б.Б. Веселовского «История земства за сорок лет», в котором проанализирована и деятельность Московского губернского земства, много лет возглавлявшегося Шиповым. Интересна реакция самого Дмитрия Николаевича (в 1918 г.) на работу Веселовского: «Читать же произведения этого автора не имею желаний, так как совершенно ему не сочувствую. Он рьяный социал-демократ и дает совершенно неверное освещение всей земской жизни и земской работы. Он, кроме классовой борьбы в земстве, ничего другого не видит»⁶. При всех этих историографических нюансах монография Шелохаева – целиком в русле того беспрецедентного интереса к российскому либерализму и его лидерам (П.Н. Милюкову, А.И. и Н.И. Гучковым, П.А. Гейдену, Д.И. Шаховскому и др.), который ныне так явно обнаружился в исторической науке⁷.

«Повинен» в таком обостренном внимании исследователей сам феномен либерализма и его поразительные метаморфозы. В начале прошлого века либерализм, казалось, проиграл «вчистую» и бесповоротно: гигантский переворот 1917 г. выбил страну из общей, всемирной колеи капиталистического развития и направил ее по пути небывалого социального эксперимента. Но после неудачи этого эксперимента идеи либерализма вновь ожили и либерализм интегрировался в современную общественно-политическую жизнь России. Вполне закономерно, что теперь его прошлое, как и «роковые годы» России, ее позднимперский период, попали в полосу интенсивного научного переосмысления и в нашей стране, и за рубежом⁸. Понятно, что есть пределы этого переосмысления. То, что было, свершилось, произошло в истории, никто не в силах «отменить» или обратить в небывшее. Но очевидно и другое: история не предопределена фатально. Реально осуществившееся – это, скорее, одна из имевшихся альтернатив развития исторического процесса, которая возобладала в ходе борьбы с другими, хотя ее торжество не всегда окончательное и никогда не гарантировано. Как считал известный философ, соратник Шипова по партии Мирного обновления кн. Е.Н. Трубецкой, «видно в России все возможно – в обе стороны. Невероятная страна»⁹.

В XX в. не только история России оказалась улицей с «двусторонним движением», но и историография. Впрочем, историю везде переписывали тысячу раз и никогда – набело. На это подвигает людей и сам исторический процесс, и политическая конъюнктура, и свойства человеческой природы, и другие факторы. Исследователей более всего привлекают «крутые виражи» истории, изменяющие судьбы стран и народов. Отечественные и зарубежные авторы, изучающие историю России начала XX столетия не только пытаются понять то, что Федор Степун назвал «бывшим и несбывшимся», но и стремятся выяснить, имело ли тогда шанс сбыться несбывшееся, раз оно все-таки во многом сбылось спустя десятилетия. И изучая прошлое, историки академический интерес сочетают с практическим, чтобы лучше уяснить перипетии настоящего, в котором «проросло», казалось, навсегда сгинувшее былое. Книга Шелохаева потрясающе органично вписывается в этот историографический контекст. В его исследовании рефреном проходит мысль о том, что система представлений Шипова, на которой основывалась его деятельность, была «одной из самостоятельных альтернатив общественно-политического преобразования России» (с. 36). Это безусловно инновационная интерпретация его воззрений и деятельности. Обратная сторона такой новиз-

ны – тернии на целине первопроехочества. Сделать эту интерпретацию исторически убедительной, действительно вытекающей из всего мировоззрения и практики Шипова – задача не из простых. Биографический жанр, в котором ведется исследование, – сложнейший. Т. Карлейль считал, что хорошо написанная биография также редка, как и хорошо прожитая жизнь. «Изваять» же биографию Шипова трудно вдвойне: современники отмечали своеобразие его мировоззрения и проблематичность «фиксации» этого феномена, – сплава религиозного сознания, духовно-нравственных ценностей и политических убеждений. Шипов признавал влияние на него идей Л.Н. Толстого (Дмитрий Николаевич не воспринимал лишь его негативное отношение к общественной и политической жизни) и Ф.М. Достоевского. Это мировоззрение в сочетании с конкретной исторической обстановкой, которая вносила в него свои коррективы, что отражалось на последующей деятельности Шипова, обуславливали нетривиальность его жизненных установок и позиций.

Мировоззрение Шипова – своего рода «стержень» книги, на него «наназывается» вся биография общественного деятеля. По признанию Шипова, ему всегда были дороги «цельность и непрерывность» руководившего им мировоззрения¹⁰, и это определяло его общественное служение. Поэтому нет никакой неожиданности в том, что первая глава исследования посвящена именно формированию мировоззрения Шипова. Три последующие главы – о его земской работе в качестве председателя Московской губернской земской управы и одного из лидеров земских съездов, о политической и партийной деятельности как председателя ЦК Союза 17 октября и московского ЦК партии Мирного обновления, и как члене Государственного совета, а также о его жизни после ухода с партийно-политической сцены. Как итог исследования в книге – суждения автора о месте и роли Шипова в либеральном движении России.

Акцент в монографии сделан на изучении взаимосвязи и взаимообусловленности мировоззренческой системы ценностей и общественно-политической деятельности Шипова (с. 3). Такой подход конструктивен для понимания Шипова как человека и как одного из вождей российского либерализма. Секрет нравственного влияния Шипова на многих современников заключался прежде всего в том, что его высокие морально-этические принципы и убеждения редко расходились с его практикой как общественного деятеля. В то же время эти принципы и убеждения в конце концов привели Шипова к решению покинуть общественно-политическое поприще. Но они сыграли здесь «пассивную» роль. Вынудила его оставить земско-городскую и другую общественную работу реальная действительность, российская среда, которая не воспринимала его мировоззрение и отторгала его проекты и предложения.

Эта драма Шипова показана весьма убедительно. Но был в самой ее «прелюдии» некий элемент оптимизма. В сущности, о таком оптимизме и пишет Шелохаев, когда утверждает, что система представлений Шипова была «системой подлинно здравого смысла», ибо «позволяла провести объективно назревшие преобразования без социальных и политических катаклизмов», сохраняя при этом преемственность власти и учитывая национально-культурные традиции народа (с. 35). «Позволяла провести», но все-таки она не была востребована вовремя, еще до стремительной радикализации российского общества, повлиявшей и на партийно-политическую фрагментацию либерализма. В монографии содержится и ответ на вопрос о том, почему это не состоялось.

Шипов, участвуя на рубеже веков в земском движении, верил «в неизбежное торжество общественных идей» (с. 238). Он надеялся, что если земцы будут между собой солидарны, будут стремиться к развитию общественного самосознания, к выработке определенного общественного мнения на положительной почве практических вопросов, будут считаться с условиями времени, с культурным уровнем и непониманием народа и «в своей невольной борьбе с правительством» будут «говорить твердо и громко, но без задора и раздражения, то такая их тактика приведет несомненно абсолютизм и бюрократию к капитуляции и только таким путем возможно установление государственного порядка прочного, надежного и обеспечивающего возможность дальнейшего прогресса и осуществления общественной правды» (с. 238). Он был убежден, что путь

насилия и революции – опасный «и не может привести к действительному торжеству общественной правды» (с. 239). Шипов признавал, что он «всегда старался служить созданию доброжелательного единения между властью и обществом», и что его «духу была всегда противна политическая борьба»¹¹. Но для него компромисс никогда не означал примирения с несправедливым общественным и государственным строем.

Пока Шипов активно участвовал в земском движении, он полагал, что «надо только, чтобы общество могло высказать свои нужды, а верховная власть выслушала, в силу нравственного чувства, самодержец, конечно, исполнит желание народа»¹². Но это оказалось иллюзией. Власть не умела читать знамений времени. Реформы безнадежно запоздали. Революция подняла голову. Для своевременных же преобразований, как приватно говорил Савва Морозов небезызвестному С.В. Зубатову, нужна была бы деятельно-благожелательная, мудрая власть. Уже будучи давно не у дел, Шипов в 1915 г. писал, что «личность и характер государя... всем хорошо известны» и у общественности, предъявлявшей власти свои требования, «не было никакой надежды на согласие добровольное и благожелательное власти»¹³. Тогда речь шла о требовании создания «ответственного министерства». А десятью годами ранее, когда Шипов встречался с царем в ходе переговоров об «общественном министерстве», монарх заметил после встречи, что вот, мол, говорят, что Шипов – умный человек, а я все у него узнал, и ему ничего не сказал.

И в 1905 г., и в 1915 г. Шипов «не сочувствовал» общественному движению, опасаясь, что «это грозит страшными бедствиями нашей стране»¹⁴. И он сам признавал, что если бы участвовал в общественном движении, то выступил бы против требований общественности и ему бы «пришлось просто уйти и удалиться». «После 1904 г., – писал Шипов, – я уже был в таком положении и принужден был устраниваться от участия в земских и городских съездах и отмежеваться от кд [кадетов]»¹⁵ вследствие их идеологии и тактики. В 1906 г. Шипов стал одним из лидеров партии Мирного обновления, пытавшейся объединить всех истинных либералов и противодействуя насилию, откуда бы оно ни исходило, обеспечить эволюционное развитие страны. Но партия эта, как отмечал П.Б. Струве, «совсем не удалась», «не вышла» в стране, которая «каким-то роком была влекома не к миру, а к вражде и крови»¹⁶.

В 1908 г. Шипов горестно исповедывался М.В. Челнокову: «Пессимизм меня не покидает и все мне представляется в самых темных красках. Я не вижу возможности мирного исхода из переживаемого нами положения. Правительство и реакция торжествуют... Общество в апатии, а народ, хотя как бы безмолвствует, но это молчание зловещее и питает в его среде все большее недовольство и ненависть к имущим классам... Правительство и поддерживающие его круги не сознают необходимость скорейшего проведения необходимых реформ и укрепления законности, и действуют все по-прежнему, и воспитывают в стране только отрицательное к государственной власти отношение... Новый подъем будет, пожалуй, очень страшен» (с. 286). И спустя 2 года находит, что в течение десятка лет «ничто не может измениться в нашей политической жизни, для того чтобы открылась возможность мирной, созидательной работы. Если возможны какие изменения, то только в смысле усиления борьбы и вспышки революционного движения, но от этого я стремлюсь быть подальше» (с. 320). Так что «система представлений» Шипова, если бы и смогла «сработать» в конкретных обстоятельствах России, то, скорее всего, в короткий период конца XIX – начала XX столетия. Но это было, с точки зрения Николая II, время «бессмысленных мечтаний» либералов.

При всем том, система представлений Шипова, выявлена в книге с истощивающей полнотой. Автор считает, что Шипову удалось сублимировать позицию либерально-консервативных сил и стать наиболее типичным представителем и выразителем их интересов (с. 3). Одной из основных черт умеренного либерализма было нравственно-этическое миропонимание, через призму которого ставились и решались все проблемы общественно-политической жизни. Шелохаев подчеркивает, что именно Шипов являлся инициатором многих общественно-политических акций, разработчиком программных документов, автором адресов и записок (к царю, в правительственные

органы). В этих документах проводилась мысль о необходимости выработки оптимальных форм взаимодействия между «властью и земством», о расширении функций органов земского самоуправления и децентрализации местных органов управления. Шипов настаивал и на демократизации земства, приближении его к населению, на объединении земских органов во всероссийском масштабе и придании им функций представительных учреждений, которые могли бы совместно с правительственными органами обсуждать и решать весь комплекс объективно назревших проблем. Шипов и его единомышленники стремились эволюционным путем преобразовать властные и социальные структуры, формы собственности, общественные институты, образование и культуру и т.д., – придать модернизационному процессу гуманистическую направленность, исходя из религиозных, нравственных и этических начал. При этом и сам Шипов, как и его сторонники, эволюционировал: не слишком склонный вследствие своих мировоззренческих установок участвовать в партийно-политической борьбе, он после 17 октября 1905 г. стал «конституционалистом по Высочайшему повелению». По его словам, Манифест 17 октября «являлся единственным выходом в данное время из положения, в котором очутилась страна, благодаря непредусмотрительности и беспринципности власти» (с. 141). Но, как показано в работе, несмотря на коррекцию в духе времени своей социально-экономической и политической программы, попытки играть активную роль в борьбе политических партий, и примирить, участвуя в переговорах правительства об «общественном министерстве» общество и власть, – все это не имело успеха. Его мирнообновленческая борьба «на два фронта» – против насилия «сверху» и насилия «снизу» – также потерпела фиаско. Шипов быстро терял свои позиции на арене общественной деятельности, что сказалось и в его неудачах на различных выборах, в том числе в Государственную думу и в органы местного самоуправления. Автор считает, что Шипов так и не смог выработать политическую и партийную линию, адекватную «чистоте» своего мировоззрения. Однако Шипов, оставив общественно-политическую деятельность, сохранил острый интерес к работе земского и городского самоуправления, к думским дебатам и дружеские связи со своими прежними соратниками. Много нового открывают для читателей те страницы книги, где анализируются предпринимательская деятельность Шилова в предвоенные годы в Киеве, его работа над мемуарами в подмосковном Ботово в годы войны, его отношение к Февральской и Октябрьской революциям. Председательство Шипова в Национальном центре автор рассматривает «в качестве кратковременного и даже случайного эпизода», который не был характерен ни для его мировоззрения, ни для всей предшествующей деятельности (с. 159).

Это, действительно, парадоксальная ситуация: он «стал как бы председателем и руководителем Национального центра (НЦ)», от которого, однако, довольно скоро «вообще отошел». Шипов был важен для инициаторов НЦ как человек, «пользующийся крупным нравственным авторитетом»¹⁷. Он в это время стоял на позициях полного непризнания советской власти и необходимости организованного сопротивления ей ради спасения России и от немцев, и от большевиков»¹⁸. Но и отношение Шилова к большевистской революции было неоднозначным, даже парадоксальным. Автор называет «пророческой» мысль Шипова о том, что попытка применения социализма в России станет доказательством неприменимости этих принципов для переустройства на их основе всей жизни. В книге приводятся и слова Шипова в его показаниях следователю ВЧК: «Советскую власть признаю как существующий факт» (с. 146, 151). При этом твердо заявил, что он «не подлец и никого (из членов НЦ. – В.Ш.) назвать не может»¹⁹.

Революционные кульбиты 1917 г. выбили многих россиян не только из привычной колеи обыденной жизни: люди теряли всякую твердь под ногами и неслись в вихре событий без руля и без ветрил. Шипов тоже некоторое время находился в растерянности, его «пророчества» развеивались в пыль непредсказуемой чередой событий. Для человека его мировоззрения, всегда принципиально отвергавшего самую мысль о приемлемости революции и отрицательно относившегося в годы Первой мировой войны

даже к либеральной оппозиции режиму, странновата его сентенция по поводу только что произошедшей Февральской революции: «Не могу не сочувствовать совершившемуся перевороту... Счастлив, что на склоне моей жизни приходится быть свидетелем происходящих изменений, обещающих человечеству лучшее будущее»²⁰. Что ж, когда в глазах темно от настоящего, то мерещится светлое будущее. Но и политический мираж есть мираж, – обманчивая эфемерность. И всего через 2 месяца Шипов писал: «Страшно следить за всем совершающимся и видеть крушение радостных надежд, осуществление которых, казалось, стало вероятным с благополучным окончанием войны, и чувствовать, как дорогая наша Родина быстро приближается к гибели»²¹. Для него была самым тяжелым «полная невозможность предугадать развитие событий в более или менее ближайшем будущем»²².

После Октября он вовсе не знал, что делать. К нему в дом приходили многие известные либералы с вопросами: «Как быть, что делать?». Сын Д.Н. Шипова Сергей Дмитриевич вспоминал, что С.А. Котляревский и Д.И. Шаховской говорили: «Надо не бороться с большевиками, а либо ждать, что будет дальше», либо работать с ними. По его словам, В.И. Вернадский и Г.Н. Сперанский «ушли в науку, – вроде как забаррикадировались, ожидая, чем кончится революция». Д.Н. Шипова «сделали председателем Национального центра как фигуру... Слишком большой авторитет он имел в прошлом»²³. Отец, пишет С.Д. Шипов, «хотя и считал, что власть имущих классов должна быть уничтожена, не мог принять методы уничтожения этой власти имущих путем революции, такой революции, какой была Октябрьская. Больше всего он боялся победы кайзеровской Германии. И кто знает, может быть, если бы не было войны, он принял бы и советскую революцию, и власть советов, и политику партии без всякого сопротивления»²⁴. Вполне вероятно, что это – «мемуарный перегиб». Но все же «нет дыма без огня».

И здесь рельефно выявляется некая «особость» Шипова в либеральном лагере, связанная с его мировоззрением. Умеренность либерализма Шипова наиболее очевидна в период его активной земской деятельности – в конце XIX – начале XX в. И автор прав, аттестуя Шипова как либерала-консерватора. Но, видимо, не все в мировоззрении Шипова полностью соответствует такой его характеристике. По крайней мере этому есть свидетельства и на них хотелось бы остановиться подробнее. Котляревский, который хорошо знал Шипова, отмечал, что «его политические взгляды были довольно своеобразны... В вопросах социальных он шел далеко, много дальше кадетов, считая, например, крайне пагубной частную собственность на землю»²⁵.

После Октября 1917 г. у Шилова не возникал вопрос, почему его семья лишается своего имущества. Он и его домочадцы молчаливо считали это «вполне естественным и закономерным»²⁶. И, может быть, есть зерно истины в словах С.Л. Франка, который в эмиграции писал, что «если в России частная собственность так легко, почти без сопротивления, была сметена вихрем социалистических страстей, то только потому, что слишком слаба была вера в правду частной собственности», и сами собственники не верили в свое право, не сознавали его «священности», не чувствовали своей обязанности его защищать, более того, «были убеждены в нравственной справедливости последних целей социалистов»²⁷.

Еще задолго до большевистской революции, в 1906 г., Шипов принял решение ликвидировать свое большое, доходное, рационально ведущееся помещичье хозяйство. Он полагал, что «землей должен владеть тот, кто ее обрабатывает»²⁸. 5 марта 1917 г. Дмитрий Николаевич писал дочери Н.Д. Шиповой: «Как в аграрном вопросе сохранение общинного землевладения представляется мне условием, благоприятствующим постепенному сознанию преступности установленного людьми права собственности на землю, так в сохранении в государственном строе монархического начала, но, конечно, не самовластия, я вижу условие, предупреждающее борьбу общественных классов за власть и открывающее возможность единения власти и всего населения на основе нравственного долга, как, например, в Англии»²⁹.

В книге С.В. Шелохаева приводится немало резких высказываний Шипова о капитализме (с. 319, 329, 344, 353 и др.). Еще в 1905 г. в письме к дочери он сообщал, что «перешел на чтение Карла Маркса» и был «очень рад», что ему «пришлось самому познакомиться» с его учением. «Нельзя с ним во всем согласиться. Но многое он освещает очень верно и совершенно своеобразно в отношениях между капиталом и трудом»³⁰. Для него «поступить на службу капиталу и служить интересам капиталистов» противоречило его внутреннему чувству, вытекающему из «общего непонимания» (с. 319). Накануне Первой мировой войны (по его мнению, «всякая война возмутительна»), Шипов был убежден, что «капиталистический строй, может быть, и даже, наверно, неизбежен при современных социальных и экономических отношениях, но тем не менее с точки зрения высшей правды, он – несомненное зло и идеализировать его серьезно по меньшей мере смешно» (с. 329, 381).

Свою работу в фирме М.И. Терещенко «на капитализм», Шипов переживал «болезненно», коммерческие обороты ему были «противны» (с. 344, 353). Участвуя в бизнесе, он делал все возможное, чтобы облегчить условия труда и быта рабочих (с. 354). Однако Шипов всегда категорически отвергал принцип классовой борьбы, абсолютно уверенный в том, что прогресс движется постепенным развитием идей, человеческой мысли, а также стремлениями духовной природы человека и свойственным ей религиозным сознанием, имеющим первостепенное значение для внутреннего устройства личности. Шелохаев особо подчеркивает, что это понятие, – своего рода краеугольный камень в мировоззрении Шипова. Ценность включенной в книгу переписки Шипова с М.В. Челноковыми состоит и в том, что Дмитрий Николаевич в своих, порой весьма пространственных посланиях, уточняет, углубляет и развивает многие свои идеи и, конечно, понятие религиозного сознания. Так, 23 января 1913 г. он писал Челнокову, что «нельзя отождествлять религиозное сознание с религиозными убеждениями; это понятия очень разные. Мы часто видим людей, разделяющих религиозные убеждения того или иного вероисповедания, но лишенных действительного религиозного сознания; и наоборот, религиозным сознанием люди могут быть проникнуты, не только принадлежа к тому или другому вероисповеданию, но и люди вовсе не принадлежащие ни к какому вероисповеданию» (с. 338). Он считал решающим элементом в личной и общественной жизни волю человека и коллективную волю общества. Проявления этой воли находятся в зависимости от того, в чем человек и общество видят и понимают смысл земной жизни человека. Ответ на этот вопрос, как он полагал, могло дать только религиозное сознание, которое вытекает «из признания несомненной и неразрывной связи земной жизни каждого сознающего себя “я” с жизнью всего космоса в его вечности и пространственной бесконечности». Отсюда ему представлялось бесспорным, что и духовная жизнь человека должна руководиться определенными вечными законами. Долг каждого человека – стремление к уяснению и постижению сущности этих законов и в свободном, сознательном подчинении им своей деятельности. Поэтому, по его мнению, нельзя примириться с тем, что сложившийся социальный строй с господством в нем насилия и социальной несправедливости «является неизбежным и что эволюция в нем обуславливается законом борьбы»³¹. В жизни людей он считал главным не их вражду и борьбу, а единение, солидарность и общее благо. По его разумению, всякая неправда на земле «может быть побеждена только любовью и добром, а не возмущением и негодованием... Царство истины, добра и высшей правды – конечная цель мира, заключающая в себе смысл мирового прогресса и его разумное основание» (с. 20, 244).

Логично, что при таком историческом оптимизме Д.Н. Шипова, его вере в светлое грядущее России и всего мира, и книга С.В. Шелохаева завершается оптимистическим аккордом. Несмотря на то что в условиях России начала XX в. идеи Шипова и его сторонников «не были восприняты расколотым общественным сознанием», эти идеи отправлять в мусорную корзину истории не следует, утверждает автор. Рано или поздно они будут востребованы, ибо человек и общество не могут «существовать без нравственно-этических основ, без исторических, национальных и духовных тради-

ций» (с. 161–162). Кстати, в самое последнее время на международных встречах государственных и общественных деятелей, ученых, стали обращать серьезное внимание, особенно в связи с мировым финансовым и экономическим кризисом, на нравственно-этическую сторону социально-экономических и политических отношений в мире, начали рассматривать их в тесной связи друг с другом, подчеркивая приоритетность именно морально-этических, нравственных принципов.

В стремительно глобализирующемся мире, раздираемом острейшими противоречиями и чреватом разного рода катастрофами, которые могут поставить человечество на грань уничтожения, в высшей степени современно звучат слова Шипова о том, что «если бы люди прониклись высоким учением о любви, призывающей всех людей к доброжелательному единению, и сознанием, лежащем на каждом из них друг перед другом нравственного долга, то ведь и уклад всей нашей жизни был бы иным». Шипов верил, что человечество выйдет «на новый путь устройства жизни на основе добра, любви и нравственного долга»³².

Примечания

* Шелохаев С.В. Д.Н. Шипов: личность и общественно-политическая деятельность. М.: РОССПЭН, 2010. 339 с.

¹ ОР РГБ, ф. 440, к. 8, д. 9, л. 117 об.

² Rabow-Edling S. Slavophile thought and politics of cultural nationalism. Albany, 2006.

³ Цимбаев Н.И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. С. 240.

⁴ Соловьев К.А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности. М., 2009. С. 79.

⁵ Там же. С. 250.

⁶ ОР РГБ, ф. 440, к. 8, д. 9, л. 125.

⁷ См.: Российский либерализм: идеи и люди. М., 2007; Российский либерализм. Сер. XVIII – нач. XX в. Энциклопедия. М., 2010; и др.

⁸ См., например: История России в современной зарубежной науке. Ч. 1. М., 2010.

⁹ ОР РГБ, ф. 171, к. 9, д. 1, л. 34.

¹⁰ Там же, ф. 440, к. 8, д. 9, л. 117 об.

¹¹ Там же, л. 32 об. – 33.

¹² ОПИ ГИМ, ф. 31, оп. 1, д. 142, л. 33.

¹³ ОР РГБ, ф. 440, к. 8, д. 7, л. 25–26 об.

¹⁴ Там же, л. 24.

¹⁵ Там же, л. 25.

¹⁶ Русская мысль. Кн. VI–VII. София, 1923. С. 330.

¹⁷ Красная книга ВЧК. Т. 2. М., 1990. С. 157.

¹⁸ ОР РГБ, ф. 440, к. 10, д. 2, л. 215.

¹⁹ Там же, д. 7, л. 34.

²⁰ Там же, к. 8, д. 9, л. 30, 33.

²¹ Там же, л. 47–47 об.

²² Там же, л. 52 об.

²³ Там же. к. 10, д. 7, л. 27, 31–32.

²⁴ Там же, д. 2, л. 216.

²⁵ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 140, 141.

²⁶ ОР РГБ, ф. 440, к. 10, д. 7, л. 31 об.

²⁷ Франк С.Л. Социализм и собственность // Русская философия собственности (XVII–XX вв.). СПб., 1993. С. 311.

²⁸ ОР РГБ, ф. 440, к. 10, д. 7, л. 25 об.

²⁹ Там же, к. 8, д. 9, л. 31 об.

³⁰ Там же, к. 10, д. 7, л. 15.

³¹ Там же, к. 8, д. 9, л. 89 об.

³² Там же, л. 10, 90.